

Владимир КРЮКОВ

КАК ВЕТЕРОК ПО ПОЛЮ РЖИ

(ЭПИЗОДЫ)

*Проходит жизнь, проходит жизнь,
Как ветерок по полю ржи,
Проходит явь, проходит сон,
Любовь проходит, проходит всё...*

Борис Полоскин

РАЗЛУКА

1975

Это была весна их любви. А потом было лето их любви.

Минувшей зимой они вдосталь целовались на автобусной остановке, не особенно стесняясь окружающих. Они изображали прощание. Вроде он провожал ее на автобус. Может быть, кто-то заметил их уловку и, уезжая, увозил их тайну с собой. Запах волос и волшебство губ взаимно возбуждали и дурили головы. И чтобы снять это возбуждение, они убегали в соседний городской сад, толкали друг друга в снег, катались в снегу.

И в причудливом смешении прочитанных историй и того, что происходило с ним, он жил, зная только одно: та, другая сторона как-то должна воплотиться. Ну да, ну да, конечно, Дафнис и Хлоя, именно они. Запах, дыхание звали их навстречу друг другу. Душа-то уже была подготовлена.

И это будет: темные от пота подмышки платья, и голые загорелые ноги, от которых глаз не отвести. А пока продолжительное томление, пересохшие губы. Голос, который недавно был вполне внятным, становится неуправляемым, садится, звучит глухо, не звучит даже, а как в ангине с трудом проходит горлом.

Неужели в общежитии нельзя было найти укромного уголка? Можно. В его комнате старшекурсник вообще не искал никаких углов, выпроваживал соседей по комнате в кино или на прогулку и запирался с разными девушками. Некоторых из них Миша видел потом в зале библиотеки или в столовой. Нет, все это должно быть не так. Ночью, ложась в постель, поворачивался

набок, ему казалось, что она здесь, рядом. На соседних койках похрапывали товарищи. Нет, не так, не так.

А наутро увидеть ее вдруг на лестнице, либо на улице, когда она бежала на лекцию. Боже, какое счастье, какая радость, порой такая сильная, что как бы не умереть от любви.

Да как же он не замечал ее раньше! Были у Миши влюбленности, увлечения. Красивые, стройные девушки иногда улыбались ему. И он – в ответ. А тут – совершенно другое. Он понял, что нашел её. И не сразу увидел, что она такая ладная, худенькая, легкая. Сначала были глаза. Казалось бы, черные, что там можно увидеть, но они преображались многократно в зависимости от света дня и ночи, от малейшей перемены настроения. Он видел, как они вспыхивают при встрече. Он помнил, как доверчиво приоткрыла она губы, когда он впервые целовал её.

И вот несла и кружила их упавшая как снег на голову любовь. Весна пришла неожиданно ранняя и теплая. Они исходили старинный город вдоль и поперек., знали теперь наизусть улицы старой застройки, дома с деревянными башенками и причудливой резьбой по карнизам. Выбрались наконец и за город, и вот тут случилось то, чего было уже не миновать. Чего он ждал и только не знал, как это должно произойти. Метрах в ста от автострады, ведущей к аэропорту, они обнимались среди голых еще берёз. Она, как ему показалось, стала выскользывать из его рук. И он опустился за нею в сухую траву и оттаявшие, прибитые долгим снегом листья. И гул машин он услышал потом, когда они – до того оглушенные и забывшие обо всем – поднимались с земли. Был провал во времени, какая-то сладкая обморочность. Случилось что-то необычное, что вынесло их, ей-богу, в другое измерение. И вернувшись в будничное окружение, они по-другому взглянули друг на друга, они увидели что-то совсем новое, какой-то новый свет открылся им.

Через неделю они оказались в уже обретающем зелень лесу в компании с его товарищем, который и предложил проехать в это красивое место. Смеялись, читали стихи. Но перебегая по холмам, спускаясь в овраги, Миша вдруг почувствовал лишним здесь самого близкого своего товарища. И устыдился этого, и все-таки не мог ничего с собою поделать. Ему хотелось быть с нею наедине, снова и снова быть с ней воедино.

Как-то они поехали в пригородный кедрч, взяли с собой бутерброды, газировку, но еще и учебники, конспекты. Всерьез открыли свои тетради. Он увидел краем глаза, как она стянула кофточку, оставаясь в светлой блузке на теплом солнце. И буквы, которые складывались в слова, показались ему полной бессмыслицей. Слова эти лежали ровными строками, но ровно ничего

не выражали. Он потянулся губами к ее лицу, повел пальцами по нагретой ткани. Она отложила свою книгу, обняла его шею. Их одежда, как эти книги и тетради, стала лишней. Потом, глядя снизу вверх чистыми глазами, она весело сказала:

– Так мы с тобой второгодниками станем.

И засмеялась наверху в ветвях неведомая птичка, а потом чуть поодаль стала щедро отвешивать им годы кукушка.

И навсегда, на всю свою жизнь запомнил Миша, как однажды в городе они увидели скопление народа. Люди смотрели в одну сторону. Там стоял разбитый автомобиль, а санитары укладывали на носилки беспомощного человека.

Она крепко взяла его за руку, повела прочь.

– Мы тут уже ничем не поможем, – сказала она и вдруг продолжила раздраженно и горько. – Ты знаешь, ведь почти не увидишь, чтобы такая кучка людей стояла и смотрела на красивый закат, на цветы, на облака. А вот на такое – на кровь, на смерть – их всегда манит, всегда готовы.

Он промолчал, да тут и не требовались какие-то его слова. Но почувствовал, как холод пробежал по спине и внезапно вздрогнул. И как посмотрел на неё, испытав страх ее потерять и необыкновенную нежность к ней.

А сессии свои они несмотря на щедро отданное любви время, сдали совсем неплохо. И прибрежные тальники, и скамейка в парке, и мох старого соснового бора как-то не помешали усвоить историческую грамматику и основы литературоведения. Меж тем, общежитие быстро пустело: все разлетались, разъезжались. Ему предстояла автобусная поездка за триста километров на север через две реки – Томь и Обь. А у нее дорога была дальней. Самолет до Новосибирска, потом до Свердловска, а там на перекладных до небольшого промышленного городка. Конечно, они оттягивали ее отлёт. Комната, где она жила с подругами, теперь стала только их. Они были одни, они ужинали кефиром с булочками, ложились в настоящую общую постель – с простыней, покрывалом. Вспоминали всякие истории из своего детства, смешные и не очень.

– Ты знаешь, – говорил ей Миша, – когда я вижу что-то забавное или необычное на улицах города, мне так хочется, чтобы ты видела это вместе со мной, моими глазами. Так тебя не хватает.

И она с пониманием благодарно кивала. Они засыпали и просыпались для новых объятий. Но наутро ей нужно было улетать. Утренний луч прошел до их подушек. Она открыла глаза, стала подниматься. О, нет, это невозможно. Он удержал ее, никак не желая отпустить.

– Мы опоздаем, – сказала она, но не смогла противиться, откликнулась. Уже в автобусе на аэропорт они поняли, что опаздывают. Они вышли из автобуса, увидели ее самолет, набирающий высоту. Рейсов на Новосибирск в

ту пору было немало, потому они сильно не расстроились и пару часов спустя он махал ей, поднимавшейся по трапу и потом прилипавшей к иллюминатору.

Звонить из его поселка не получалось. Но писем они друг другу написали немало. Миша был глубоко недоволен своими. Он никак не мог выразить то, что переживал. Это была почти не проходящая тоска, отпускаящая, может быть, когда он был в кино, и то ему часто казалось, что она сидит рядом. Или когда плавал до изнеможения и валялся потом на берегу, бездумно глядя в небо. Однако же миновало лето. Пришла пора возвращаться в город. Отец перед уходом на работу обнял его, а мать даже проводила на остановку (могла позволить себе отлучиться).

В последнем письме была дата ее возвращения. Миша узнал час прибытия рейса из Новосибирска. Изнывая от ожидания, бродил по рощице близ аэропорта, приминая уже несвежую осеннюю траву. Самолет прибыл, но ее не было. Следующий рейс был вечером, и опять Миша напрасно высматривал ее среди прибывших пассажиров. Он почувствовал, как его стала поколачивать дрожь, и не знал, как ее унять. Постарался взять себя в руки, уже в сумерках отбил на главпочтамте телеграмму: «Что случилось заболела сообщки когда будешь». Наутро комендант постучала в дверь комнаты и передала ответную телеграмму. У Миши потемнело в глазах, остановилось, а потом бешено запрыгало сердце. «Аня погибла позавчера напишу письмо». Он вышел из общежития, и ноги понесли его по проспекту к большому саду над обрывом реки, где они не один раз бывали. Он сел в уединенном месте, прислонившись к берёзе, и ощутил страшную усталость. Усталость и опустошение. Смотрел перед собой и ничего не видел. А когда над ним прогудел самолет, из глаз потекли слёзы.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

1978

Миша завершал последний университетский курс. И собирался он пробовать себя в газете, из молодежи ему обещали вызов. Но в программе обучения стояла педагогическая практика, и всем – кто бы куда ни собирался – предстояло ее пройти. Михаилу досталась школа в старом районе города. Он проходил туда, свернув с главного проспекта и пробираясь укромными переулками, узнавал их, исхоженные еще не так давно с Анной. И это теперь уже не отзывалось острой болью, но иногда сбивало сердце с привычного ритма.

Со своими девятиклассниками он, как показалось, нашел общий язык, да они и по возрасту недалеко отстояли. И Есенина им читал наизусть, и о битлах на классном часе (тоже зачетное мероприятие) рассказывал, врубая на магнитофоне хорошего качества записи.

Директор предложила ему присутствовать на семинаре, посмотреть, послушать. Придут учителя-словесники еще двух школ, собрание почтит заведующий районо, сам выпускник филологического факультета пединститута. Михаил согласился, и вот смотрел, слушал.

Открытый урок провела Валентина Андреевна, с ней он уже познакомился и был на ее уроках. Русский язык в ее исполнении ему понравился, а литература совсем нет. И он понял, почему, когда она рассказала, что поступала вообще-то на математическое, но не прошла пор конкурсу, и стала учителем-филологом. Правила написания, исключения были разложены по полочкам аккуратно, доступно, убедительно.

А вот на уроке литературы ему стало за нее неловко. На его беду это был «Герой нашего времени». Необъяснимое обаяние, которое он испытывал всякий раз, перечитывая «Тамань», понятно, здесь не нужно было брать в расчет. Это каждый переживет сам, если решит открыть книгу и читать не по диагонали. Но приблизить к этому, наверное, было возможно. Однако Валентина Андреевна вновь, как на уроке русского, классифицировала, давала четкие определения: скептик, эгоист, лишний человек, светское общество...

Но в этот раз, на открытом уроке, она была на высоте. Кто-то, опираясь на текст, представлял жизненную позицию Молчалина, кто-то Скалозуба. Она удачно нашла ученицу на роль Софьи. С некоторым перебором праведного гнева произнес прощальные слова Чацкого высокий и красивый Павлов. И остальные не остались статистами, были, что называется, вовлечены в разговор. Сохранились ли эти типажи до наших дней, не слишком ли высокомерен Чацкий, вызывает ли сочувствие Софья? Под самый звонок Валентина Андреевна, как положено, подвела итоги.

Мероприятие плавно перетекало в неформальную часть, и Михаил думал потихоньку откланяться. Но тут как раз сам этот заведующий районо приобнял его за плечи, увлекая по коридору. И директор школы поддержала: «Да, усилите мужские ряды». Кроме Михаила на недавнем уроке сидели и вправду лишь двое мужчин. Один пожилой, седой ёжик которого топорщился во все стороны, отчего он казался щетинистым, хотя был нормально побрит. И другой, средних лет, гладкий как обмылок, вот уж точно без каких-либо особых примет. Все рассаживались за столами в школьной столовой.

Среди тарелок с закусками ненавязчиво расположились несколько бутылок вина. Директриса обратила общее внимание на репродукцию картины «Рожь», висевшую на стене столовой.

Щетинистый отозвался:

– Знакомо! Левитан!

Директриса поморщилась, но всё же продолжила:

– А какие стихи припоминаются?

– Ой ты, рожь! – пискнула дама из гостей.

– Поздняя осень, грачи улетели, – по контрасту басовито произнесла крепкая женщина.

Поднялся заведующий районо. Он был благодушен: мероприятие прошло хорошо, неплох и финал. Он предложил желающим поднять стаканы за успешное решение задач, которые поставлены перед советской школой. Подняли. Обратились к закускам. За столами сдержанно переговаривались.

Заведующий районо поднялся вновь. На большом его лице с мохнатыми смоляными бровями возникла улыбка. Он начал говорить:

– На польском радио есть такая передача. Читается одно предложение, и слушателям предлагается закончить. Однажды было прочитано такое: «Подюбку пани Ковальской залетела пчела». И каков же был самый остроумный конец фразы?

Он осмотрел аудиторию. Лёгкое оживление, но ни одной попытки продолжить не последовало.

– Лучший вариант был таков, – сказал заведующий районо, – «И укусила там руку пана Смыхальского»!

И тут от одного из столов пополз тонкий бабий смешок, он обрастал другими, набирал силу.

– В чём дело, Мария Осиповна? – спросил заведующий районо у раскрасневшейся от смеха толстушки.

Но заливающаяся хохотунья не смогла ответить, веселье душило её.

– Да вот, Геннадий Моисеевич, – помогла её соседка, – Марья Осиповна спрашивает: «Почему там оказалась именно рука?!»

Успех был всеобщим. Здоровый полновесный смех сблизил людей. Раскрепостились, разговор пошел оживленнее. А вскоре заведующий районо поднялся уже не для тоста. Как бы с некоторым сожалением посмотрел на часы, извинительно пожал плечами. Пошел к выходу. Директриса проводила его до двери и, обернувшись, почти столкнулась с Михаилом.

– А вы куда? – удивилась она. – Да посидите еще с нами.

– Простите, пожалуйста, – сказал Миша. – Меня друзья ждут.

Никто, разумеется, его не ждал. Но невозможно было здесь оставаться. Мишу охватило какое-то чувство гадливости, что ли. Да, именно так: ни больше, ни меньше. Он пытался побороть это, говорил себе: «Да что ты в самом деле? Вот чистоплюй какой. Ну натурально Ханжа Ханжонков (такое прозвище они придумали для некоторых сокурсников)».

Не помогало. Он не мог забыть, что собрались тут учителя русского языка и литературы. Литературы! Ну а сам он разве не смеется над анекдотами, где ситуации бывают похлеще той, представленной заведующим? Однако этих-то как понесло...

Практика закончилась через несколько дней. Миша заработал высшую оценку.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

рассказ Михаила

декабрь 1980

– Полушубок похитили! – заорал я. Фраза, конечно, отредактирована. Тут бы привести ее в подлинности. Столичная литературная братия отстаивает эти дела, ратует за свободу слова. Но не откликнемся на её призывы. И вообще начнём по порядку.

Этим утром мы удачно встретились на главном проспекте со Стасом и вместе топали к пивзаводу. Конечно, не пиво глотнуть с утра пораньше, а подзаработать на беде, которая тут приключилась. А беда вот в чем: под тяжестью снега обрушилась старая кровля над складом ячменя. Зерносклад для пивоваренного завода – объект стратегический. Надо срочно поставить новую крышу. Профессиональный калымщик Стас, узнавший об этом обстоятельстве, сумел выторговать выгодные условия оплаты. Взял меня в помощники. Третьим стал некто Леонид. Он имел профессию врача, но иногда – на несколько дней – оставлял свое ремесло ради денег.

И вот идем со Стасом начинать наше крышевание. И я рассказываю ему о минувшей ночи.

Она выдалась для меня беспокойной.

Я служил ночным сторожем в цветочной теплице городского управления зелёного строительства, попросту – горзеленхоза. Газетная ставка была невысока, и совсем не стоило чураться подвернувшейся непыльной подработки. Вчера, как обычно, задремал под ровный шум батареи отопления на углу дивана в нашем закутке. И вдруг пробудился: мне послышался стон. И вспомнился почему-то Некрасов со своим сострадательным стихотворением. Вспомнился и недавний спор с либералом-филологом: тот дивился народному долготерпению. Для меня в свете некоторого личного опыта народ вовсе не терпел. Он пил, плевал семечками, тащил отовсюду то, что плохо лежит, кое-как – прямо-таки с отвращением – работал, весело материл жизнь и начальство.

Стон повторился. И дело в том, что стонали не под мифическим овином или под стогом, а рядом, за стеной, прямо у входа в теплицу. Я встал с дивана. Он облегченно выстрелил парой пружин. Открыл дверь в морозную ночь. На снегу у стены корячился мужик. Он все подтягивал ноги к груди, чтобы свернуться потеплее, поуютнее. Мороз забирался под куцую телогрейку. Мужик стонал, изнемогая в неравной борьбе.

Я взял его из-за спины под мышки и потащил в помещение. Обеими руками он крепко прижимал к себе большой пакет. Был он не по сезону в сапогах – обычной кирзе. Сапоги сейчас беспомощно волочились по полу. Я проволоком его из коридора в закуток и прислонил к дивану.

Из приоткрытого пакета вываливаются на пол два зефира в шоколаде. И я, кажется, понимаю, откуда взялся этот мужик. Наверняка он был в гостях у моего соседа по территории Константина. Костя подавал тепло в цех кондитерской фабрики. Кочегарка находилась в соседстве с теплицей. Ясное дело, мы познакомились. У нас – чисто, светло, постоянно свежий чай, у него – пряники, ирис, тот же зефир, все с пылу-жару, прямо с конвейера. То занесет так, от доброты, то за бутылку красненькой (но вместе же и выпьем).

Наверняка этот немощный человек был сегодня гостем Константина. Почти достиг уже дыры в большом дощатом заборе, но не одолел подъема и вот скатился к дверям теплицы.

В результате незадачливый гость сидит у меня на полу. Он очнулся, дикие глаза его блуждают по стенам: спасенный не понимает, что с ним и где он находится. Он крепко прижимает к груди свой свёрток. Он больше не стонет и впадает в сон. Втаскивать его на диван я не собираюсь – вдвоем там не разместиться. Выключаю свет, ложусь и, почти засыпая, слышу: он повалился набок. Пытаюсь пристроить ему под голову фуфайку нашей тепличницы Галины Васильевны. Он просыпается. Первые слова, которые я слышу:

– Студент! Обобрать меня хочешь? Не выйдет!

Ах ты, дерьмец, думаю. Ну лежи, черт с тобой. Укладываюсь сам, засыпаю. Но я имею обыкновение поворачиваться несколько раз за ночь. И вот поворачиваюсь, диван, конечно, стреляет, и с полу до меня доносится:

– Что задумал?! Не выйдет, я не сплю!

Вот оно, значит, как. Заволакивай человека с холоду и получай черные слова неблагодарности. Обидно мне стало. Даже подумалось ненароком, зачем я его, дурак, сюда тащил. Но отозвались укором гуманные струны души. Значит, пусть бы замерзал, что ли? Нехорошо, брат.

Заснул я со своими мыслями. Но под утро щелкнула пружина и как по сигналу прорезался хриплый злой голос:

– Что, студент, не дает покоя моя получка?!

Я проснулся весь, до конца, махом. Встал с дивана. Обида обернулась в злость. Я схватил его и поволок к двери. Он растопырил руки, стал хвататься за косяк. Зефиры запрыгали у нас под ногами. Я приналег и выставил его на улицу. Уже брезжил утренний сумеречный свет. Я подтолкнул его на горку к дыре в заборе. Уже держась за доски, обернулся он ко мне и помахал кулаком. Однако вывалился все же на ту сторону, поднялся и, широко раскачиваясь, пошел прочь.

А зефиры я небрезгливо подобрал. В кратком поединке мы притоптали

лишь две штуки. Перед тем как сдать дежурство,пил традиционный утренний чай.

Сейчас, по дороге, и рассказал кратко Стасу ночную историю.

– Были, – говорю, – в старину такие постоянные дворы, где проезжих отогревали, спаивали да убивали. Но я ж не похож на ушкуйника, чем я подозревание у него заронил? Или у него какой-то древний страх, или сам такой плут?

Стас посмеялся, но выразил принципиальное несогласие:

– Все-таки давай смотреть без гнева и пристрастия. Народ доведен до скотского состояния. Унижен и обманут. Платят ему гроши за то, что горбится с утра до вечера. Но уж эти заработанные гроши не трожь! Так и этот мужик, видимо, вырвал с боем свое кровное и всё мнится ему, что хотят отнять. Видишь, даже алкоголь не берет, не снимает напряжения.

Ясный чистый день, легкий морозец. Мы полезли на крышу, начали отрывать старые доски. Видно было: они свой срок отслужили. Незаметно сваливались сумерки. Вдруг Леонид вогнал топор в балку и громко сказал:

– Всё, хорош! Вот что, ребята: я под ночь услышал по Би-би-си, что в Нью-Йорке убили Джона Леннона. Так что ж мы, совсем ссучились, что ли? Ну в самом-то деле, пойдем помянем Джона по-людски!

И пришли мы в тесную комнатку Леонида, приткнулись у стола с водкой, поставили фирменную пластинку с яблоком, добытую хозяином на толкучке. И в который раз омывали наши души голоса Леннона и его друзей.

Наутро снова синело зимнее небо. Искрился снег. Мы таскали плахи из-за угла корпуса и складывали так, чтобы автокран смог к ним подобраться и подать наверх. Желтые сосновые плахи на голубом снегу. Какая гармония! Чего еще нужно человеку?

Но, выворачивая очередной раз из-за угла, я сразу отметил отсутствие полушубка. Скинул его какие-то три минуты назад. Остался в свитере. Никого рядом не было. Никто не проходил. Ну это у нас умеют. Чуть не обронил плахи с плеча, но удержал. Мы со Стасом сбросили их к растущему штабелю.

– Полушубок похитили! – заорал я.

На крик подскочил Леонид. Рванули по территории вдоль забора, обшаривая глазами знакомые лазейки, которыми и сами пользовались. Побежали к проходной, чтобы предупредить вахтершу. Предупредили.

Обернувшись, увидели: прямо на нас размашистым свободным шагом идет человек средних лет в пропавшем полушубке. Сверху, правда, синий рабочий халат накинута.

– Так вот он! – радостно воскликнул я, имея в виду полушубок.

Леонид двинулся навстречу мародеру с грозно поднятым кулаком. Тот сбивается с лихого шага, закрывается рукой, кричит, что шутка, мол,

полушубок сдирает. Но Леонид, не останавливаясь, приложился к медной роже похитителя. Человек кувыркнулся в снег, справился, наконец, с полушубком и растворился на территории пивзавода. Да, мне так ловко не сумеет никогда. Что ж, Леонид уж точно не чета нам со Стасом.

Взял я свою одежду, отряхнул. Вышла из проходной тетя Маша.

– Ну что, ребята, жаловаться будете? Это уж он не впервой фокусы устраивает. Сколько раз предупреждали. Сейчас точно попрут. Дельный был механик да совсем спился. Сам-то ладно. Жену жалко, хорошая баба.

Стас посмотрел на меня, дескать, что делать будем.

– Да ну его к черту! – сказал я.

Марья Петровна успокоенно качнула головой и отправилась на пост.

И сейчас, после наказания похитителя, задаю Стасу вполне неразрешимый вопрос:

– А знаешь, кто это был?

– Ханыга, – отвечает находчивый Стас.

– Это мой полуночный гость. И похоже, он меня не узнал.

– Что ж, всяко бывает, – говорит Стас, а сам хитровато щурится: – А может, ему стыдно стало?

ЖЕНЩИНЫ 1970-е – 1980-е

* * *

Михаил легко сжимал её колено. Он даже отвлекался от того, что происходило на экране. По тем временам это была большая степень доверия. Они гуляли, целовались, беседовали.

Милая первокурсница, будущий биолог, жила не в общежитии и как-то пригласила его в воскресенье домой на чай. Сказала: мама с нами посидит. Он, преодолев робость, пришел. В двухкомнатной хрущевке встретился с мамой Юли и ее старшим братом, который доучивался на инженера-строителя. Сидели они в комнате за прибранным столом. И цветы его поставили в красивую вазу. Пили чай с тортом. И, рассказывая о чем-то, брат завернул матом раз и другой. Мише жар в лицо бросился. На первой нецензурщине он ушам не поверил, но вторую точно услышал. Материться при маме – это было выше его понимания. Но мать и сестра как будто этого не замечали. И видно было, что они все трое друг друга любят. И забавно, что брат не сыпал матами, больше их в разговоре не было. Но Мише было достаточно. Мерзкое словцо он, конечно, не раз слышал, но числил в лексиконе чужих для него людей. Там оно употребимо, пусть там и остаётся. И вдруг оно здесь.

И как обломало его с этой Юлей, всякую ерунду приплет, наврал с три короба и свел их встречи на нет. Всё это было до встречи с Аней.

* * *

А эта история произошла на другое лето после гибели Анны. Почти год прошел, а Миша так и не оклемался. Он сдал две сессии и довольно прилично, был вполне вменяем. По крайней мере, окружающие воспринимали его как человека адекватного. И только проницательная тетя, его любимая с детства сестра отца, видела, конечно, глубже. Она собралась в гости в своей старой подруге, с которой не встречалась два десятка лет. Она пожаловалась на свою беспомощность в дорожных делах и уговорила Мишу сопроводить её в пути. Они поехали в далекую донскую станицу (подруга с мужем перебрались на его родину). Ехать нужно было с пересадкой в Москве, потом еще более суток. В этом долгом пути Миша и вправду как-то рассеялся. Встретили их так сердечно, что нельзя было не откликнуться и не оттаять душой. Через неделю он собрался домой. Тетю оставили гостить, обещали проводить до столицы и посадить на прямой поезд.

В Москве Михаил пересел на поезд до Сибири и вдруг почувствовал, как снова охватило его отпустившее на время чувство невозвратимой утраты.

Посадка шла ночью, проводница открыла купе. Потом принесла постель, села напротив, взяла билет.

– До Томска. Значит, с нами до Тайги, – сказала она. Поезд шел куда-то в Иркутск или Красноярск. – Домой возвращаетесь?

Миша уныло сказал, что домой.

– Может, чаю выпьете? Я принесу.

Принесла и села напротив.

В том быстро пробегающем свете от редких придорожных фонарей нельзя было хорошо рассмотреть ее. Да и не хотелось. Впрочем, Миша увидел, что она не молода, но вполне, что называется, сохранилась.

– Что-то случилось?

И теперь он отметил еще, что у нее хороший голос. И вдруг рассказал, что с ним произошло.

– Да ведь это со многими бывает, – сказала она. – Я сама, знаете, давно ли такое пережила. Мужа своего страшно любила. И он ведь по любви меня замуж взял. А потом, года через три, начал изменять, да как нарочно так, чтобы я об этом узнавала. Мучилась я долго, сына жалела. Но понимала, что и мальчику от этого только хуже. Я сказала, что уйду, терпеть не буду. И тут на больших маневрах он погиб. Он у меня офицер был, мужчина красивый, крутой, жесткий. Боже мой, как я убивалась, решила, что сглазила его. Места себе не находила.

– Нет, слушайте, наши истории совсем не похожи, – не согласился Миша. – Что-то тут не так.

– Может быть, – уступила и она. – Только в итоге мы остались одни. Да вы

знаете, жизнь-то не кончается. Я вот встретила человека, такого хорошего человека, что прямо не верится. И они с сыном меня сейчас ждут. Я ведь тоже к дому еду. Все наладится, все у тебя будет хорошо.

Так, переходя с «вы» на «ты», успокаивала его ночная собеседница. Пожелала спокойной ночи, сказала, что вагон полупустой, что постарается к нему никого не подселять.

Проснулся он в утреннем свете. Вскоре в дверь постучали. Проводница спросила, не принести ли чаю.

– Ну вот, сегодня вы уже много лучше выглядите, – уверила она.

Теперь Миша видел, что она просто красива. И правильные черты лица – совсем не главное. Во взгляде этой женщины были и доброта, и достоинство.

И весь день при всякой свободной минуте они разговаривали на разные темы. И такое успокоение от нее исходило, что Михаил стал уже замечать пейзажи за окном. А спутники по вагону косились и подмигивали ему, подозревая успешный флирт. Но вот в сумерках возникла во многих огнях и множестве путей знаменитая сибирская станция Тайга.

Миша спустился по ступенькам на пыльный асфальт. Она уже стояла на перроне.

– Ну счастливо вам, – протянула ему руку.

– Спасибо, так жаль, что нам не по пути, – сказал он. Кто бы знал, как не хотелось с ней расставаться.

* * *

– Защищайся! – азартно кричала Надежда, припрыгивая, как рефери на ринге. Но Мише образ поединка был совсем не близок. Он не понимал, что происходит. И потому соперник удачно проломил ему нос. Миша подставил ладонь, собирая кровь. Он стоял в полном недоумении.

– Ты что тут делаешь? Чего тебе надо? Это моя жена!

– Бывшая, Володя, бывшая! – вскрикивала она, будто подзадоривая совершившего вторжение в комнату.

Ну да, дверь была не заперта. Да и с чего бы? Вот он и вошёл. И тут же преобразился, увидев Мишу, и с разлета вмазал ему по носу.

И чего этот придурок размахался на него, как на какого-нибудь дешёвого соблазнителя, нарушившего благополучие семьи? Видно, он толковал её уход как внезапное помрачение, какой-то временный заскок. Она увидит, как он предан, она одумается. Так, что ли?

– Чего ты стоишь? Пошел отсюда!

Визгливый высокий голос был в противоречии с его статью. Коренастый, среднего роста, с аккуратной бородой и яростно сверкающими глазами, он и вправду был хорош.

Миша еще подумал, не стряхнуть ли на его светлую куртку ладонь крови для полного эффекта. Тогда бы муж, явившийся для выяснения отношений, стал бы совсем живописен. Но Миша отказался от такого вполне театрального

эффекта, да и, как он потом вспоминал, пожалел куртку. Он просто вышел из комнаты, прошел в конец коридора, там были мужской туалет и умывальник...

Они познакомились вчера на художественной выставке. Приятельница Миши подвела к нему красивую девушку с падающей на лоб чёлкой. Кажется, эта стрижка называется каре. И она была Наде к лицу. Так звали новую знакомую Миши. Они поболтали совсем немного, чтобы не мешать выступавшим на открытии.

– А приходите ко мне в гости, – пригласила Надя. – Когда? Да прямо завтра.

Пришёл. В рабочем общежитии в комнате на втором этаже она проживала одна. И это удивило Мишу – такую жилплощадь выделяли обычно на двоих. Не успели они присесть к столу с чаем, как ворвался этот неожиданный муж...

Миша шёл домой, трогая похрустывающий нос.

Назавтра под вечер он надумал все-таки пойти к ней. Зачем? Объяснить своё немужественное поведение? Просто объясниться.

На входе его придержала пожилая вахтерша:

– А вы куда? На второй? К этой самой Надежде? Да нету ее уже, вчера съехала.

– То есть как? – опешил Миша.

– Да вот так: муж забрал. Вежливый такой, благодарил, что приютили. Приютили! Меня попросила Маня из профкома, а ее – дочка. Посели, говорит, на недельку, она мужа проучить хочет. Прошмантовка! У них и сыну пятый год. Проучить!

– Спасибо, я понял, – попрощался Миша. Она еще что-то договаривала вослед.

* * *

Знакомый Миши вузовский преподаватель говорил, как удобна и необременительна связь с замужней женщиной, которая не любит своего мужа. Такая дама объясняет свои измены тем, что ещё не встретила достойного человека. А пока она в поиске, в ожидании перемен, продолжается и нормальная супружеская жизнь с исполнением всех ритуалов – один ребенок, второй...

Но как исправно спать с нелюбимым? Не год, не два – больше. Боже мой! Это не укладывалось в голове наивного идеалиста.

Однажды на дружеской вечеринке он явно перебрал. Его уложили в детской, а своего сына друга Миши забрали к себе в комнату. Ночью его пробудила веселая подруга хозяйки квартиры. Он достойно разделил неукротимость случайной любовницы. А утром, приоткрыв дверь, увидел ее. Она мило помахала ему рукой, сидя у тумбочки, продолжая говорить по телефону:

– Ну и заночевала у Люды от греха подальше. Там уж полная ночь была, такси не дозовешься. Нет-нет, всё в порядке. Сейчас буду.

Она упорхнула. Хозяева удержали его пить чай. Он чувствовал, как с каждым глотком приходит оздоровление. Однако как-то неловко было смотреть на друзей. И Люда сказала:

– Она уверяет, что ищет что-то настоящее. Чем-то ты ей понравился. А я помаленьку буду ее отваживать от дома. Не хочу быть сподвижницей в ее поисках. Пусть без меня разбираются.

* * *

Миша был уже не молод. Он видел, как сходятся мужчина и женщина, как расстаются. Иногда он просто понять не мог, почему вдруг распался тот или другой союз. Так, казалось ему, были близки эти люди. Но если это случалось, то расходились, объяснившись, даже сохранив приятельство. Существовал некий нормальный уровень человеческих отношений. Там были страсти, переживания, отчаяние, вспышки ярости, но было там и понимание, и прощение.

Встречал он и женщин, которые уходили не к кому-то другому, а просто от нелюбимого. Вот с такой он и встретился и сроднился на всю последующую жизнь.

Она работала методистом в городской библиотечной системе. Михаил заглядывал туда к товарищу, тот показывал ему новые книги, потом они вместе отправлялись выпить чашку кофе в стекляшке-кафе за углом и поболтать. С нею они в служебных стенах встречались. Он говорил обычные комплименты её свежему виду или новой кофточке. Товарищ однажды сказал ему: «Однако, как мне кажется, она к тебе равнодушна». И как-то она у них спросила: «А можно мне с вами?». Ясно, они взяли её с собой. После кафе она сказалась свободной. Ещё догорал летний день, они погуляли немного, потом она согласилась выпить чайку в его «однёшке». И осталась у него на всю ночь. Их потянуло друг к другу.

Ему нравилось её долгое тело, длинные волосы, крепкие крупные груди. Она рассказала, что была замужем, но скоро поняла, что они разные люди и настояла на разводе. Вот уже больше года живет с родителями в пригородном поселке. Как-то естественно с его стороны было предложить ей перебраться к нему. Она переехала. Образовалась, как говорится, новая семья. И тут он увидел, что не успел пережить пору влюбленности, привязаться душевно, узнать вкусы, пристрастия, привычки, капризы – особенности характера. Но разве у него одного так случилось? Ничуть не бывало. Слава богу, с годами оказалось, что многое им одинаково близко, на многое они смотрят очень похоже и музыка ей нравится та же, что ему.

Так что всё устоялось. И ровными были их отношения и скучали они друг по другу, если расставались по работе на день-другой, и детей родили по любви. И только тот холодок, тот чистый сквозняк, который когда-то давно продувал его душу, не повторился.

МНОГООБРАЗИЕ ЛЮДЕЙ (1970-е – 1980-е)

Леонид входит с мороза бодро, напористо, сверкая своими зауженными, острыми глазами:

– Здорово, воробей!

Так же бодро, не ожидая возражений:

– Не обиделся, что позавчера не позвал? Там такая компания собралась, что ты был бы лишним.

«Ну а сейчас какого черта», – думает Михаил. Но ничего не говорит.

Так же энергично гость проходит в комнату, садится на стул.

– Ну-ка, заведи нам что-нибудь.

И, когда Миша достает пластинку, восклицает:

– Ах ты, прохиндей! Откуда это у тебя, где таил?!

И Миша, необъяснимо подвластный этому напору, лепечет:

– Было дело... Как-то купил... Понимаешь?

Как будто кто велел ему отчет держать. И ничего не может с собой поделывать.

Налил ему чай, предложил хлеб с маслом.

– А вот и не буду. Нет, чай давай, а масло не буду.

Катастрофически рушится настроение. А он, поставив пустую чашку, поднимается:

– Ладно, поехали, природу поглядим.

Ничего не придумал Миша лучше, чем ответить:

– Да я тебе только помешаю.

(Боже мой, да почему не сказать, что это он – он! – портит ему день, травит душу!).

– Брось ерунду городить. Ну ладно, как хочешь. Бывай.

Жизнь в нем играет, он идет к дверям, покачиваясь от её избытка.

«Вот так, – думает Миша. – А ты остаешься, униженный непонятно чем, впрочем, почти понятно – своей слабостью».

А ведь так хотелось Михаилу, чтобы этот человек стал ему другом. Леонид возник в его жизни в зимние дни калыма на пивзаводе. Миша даже с восторгом изобразил его в своем рассказе (были у него такие попытки прозы).

Неумение отстоять себя кулаками – Мишина беда с раннего детства. Был не хлипче других. Любил плавать, прочитал про атлетизм (наш советский культуризм) и стал тягать колесную пару вагона для узкоколейки (похитили с одноклассником со двора леспромхозовского депо). Но вот установку из шутиливой песни Высоцкого «Бить человека по лицу я с детства не могу» воспринимал вполне серьезно.

С годами взросления и товарищи у него подбирались соответственно такие же миролюбивые. Не приходило в голову разрешать споры кулаками. И вот там, на пивзаводе, появился в его жизни совсем другой человек. Врач по образованию, он интересовался многим, скажем, практической йогой, читал: и не только Кастаньеду про Дона Хуана, но и классику знал.

Его крутизна, решительность, резкость вызывали зависть Михаила. Однако это и мешало им сблизиться. Михаил слышал расхожую фразу про то, что противоположности сходятся, но тут она не работала. Михаил чувствовал, что он странным образом попадает под власть своего товарища. Речь не шла о каком-то подчинении. Просто в характере Леонида не было привычной Мише мягкости, не возникало желания посоветоваться или в чем-то усомниться. И эта неколебимая определенность, вызывавшая поначалу зависть, стала порой, да и всё чаще, угнетать. Михаил начал его как-то сторониться, но и редкие встречи выматывали.

Нет, ей-богу, так непросто найти близкого человека во всем многообразии людей. Миша наблюдал, приглядывался. Иногда человек отсеивался сразу, оставаясь просто на уровне будничного общения. Валентин Петрович, сосед, всегда готовый помочь словом и делом, как-то заговорил о чтении. На стеллажах Миши не обнаружил книг определенного рода и стал выговаривать:

– Что-то не то у тебя здесь. Всё это выдуманное. Я вот мемуары читаю. В основном, военные.

И попытку Миши возразить сразу отразил:

– Да понял я тебя. Я к такой литературе давно интерес потерял. Вот мемуары – то, что на самом деле было. Вот фотографии, документы, фамилии, то-то и то-то.

Газетная работа тоже во множестве поставляла людей и впечатлений. В одном НИИ замдиректора представил ему молодого и перспективного ученого.

Тот оказался хрупким, застенчивым молодым человеком, чуть ли не ровесником Михаила. Постепенно раскрепостился:

– Есть такое свойство материала – память формы. И это перспективная работа, часть темы закрыта. «Оборонка», – подмигнул он.

– Давайте об открытой, – попросил Михаил. Молодой ученый говорил увлеченно, интересно и понятно. Закончил. Теперь он вертел в руке свои очки. Миша видел, что ему хочется обратить на них внимание.

– Красивые очки, – сказал он.

– «Макнамара», – оживился собеседник. – Не знаете, что такое «Макнамара»? Ха-ха. Марка этих самых очков. Стекло от Цейса, оправа итальянская, производство Штатов. За пять червонцев можно взять. Чего только не встретишь на нашем «толчке»! Не бываете там? Да что вы! Там что хочешь можно отыскать.

И пошло перечисление джинсов, рубашек, другого тряпья, башмаков, шампуней и широкого галантерейного набора.

Миша тогда подумал, как же замечательно может сочетаться, казалось бы, несочетаемое.

И газета подарила ему друга. Задание: опять молодой ученый. И к тому же в родном университете. Миша переступил порог одного из полуподвальных кабинетов. Навстречу ему из-за стола поднялся человек, смуглый лицом, в клетчатой рубашке. И Миша, пожимая руку, уверенно сказал:

– А ведь мы, кажется, знакомы.

Глаза встречающего живо блеснули:

– Ну да, конечно.

Хозяин кабинета был тем самым студентом-историком, с которым Мишу свели знающие ребята. Именно тот парень и дал ему прекрасного качества записи битлов, которые Миша использовал на классном часе.

Сейчас область его научных интересов – духовная культура коренных народов Сибири. Он уже был участником нескольких экспедиций и автором книги об урало-алтайской мифологии. Они сразу заговорили на «ты», и Андрей несколько раз с юмором разрушил газетные стандарты.

– Ты, конечно, еще в студенческие годы потянулся к науке? – спросил Миша.

– Да что ты! Всякие конференции с докладами я за версту обегал.

– Но ведь пришел ты в конце концов в науку. Как?

– А вот как. Систематизировали, описывали коллекции музея археологии и этнографии. Там обнаружили несколько ламаистских икон. Никто ни бум-бум. Предложили мне съездить в Улан-Удэ, повстречаться со специалистами. И знаешь, кто мне в Улан-Удэ помог описать иконы? Самый настоящий лама. Экзотика!

– И ты полюбил этнографию на всю жизнь? – выворачивал на свою дорогу Миша.

– Она довольно быстро мне надоела в традиционных формах. Вся эта доскональность, дотошность, хотя и нужна, но терпима лишь до какого-то предела. А в исследовании и реконструкции мифопоэтического сознания (чем я последние годы занимаюсь) просто необходима раскованность, право автора даже на фантазию. А я из тех, кто доверяет интуиции. Я думаю, что без этого невозможно, неинтересно, скучно.

Он просто пленил, покориł Михаила. Тот и не задавал привычных вопросов, не желая проколоться, только просил рассказывать еще. Они засиделись.

– Слушай, я сейчас в буфет сгоняю за булочками, а ты чай завари, – сказал Андрей и включил кофеварку. Добрались и до битлов.

– Ты знаешь, – признался Миша, – я их врубаю, и действует как противоядие от всякой пошлости.

– Как вспомню, чего нас пытались лишить – кровь стынет, – подтвердил Андрей. – Я ведь и английский «выучил только за то, что им разговаривал Леннон».

Интервью с молодым ученым было признано «материалом месяца», а дружба их продлилась многие годы. Как-то сразу они установились, эти отношения равенства, самостоятельности, полного взаимного доверия. Андрей стал профессором, продолжал ездить в экспедиции и писать книги. Он умер внезапно, почти завершив лекцию. Качнулся, как будто его кто-то толкнул, стал оседать на пол.

– Спокойно, ребята, без суеты, – сказал он бросившимся к нему. – Всё не так страшно.

КАПИТАН

1988

Была в 1970-х такая традиция: после вуза выхватывали из выпускников несколько человек и кидали в армию. Конечно, в офицерских чинах, в роли политруков, но все равно подневольных. И вот так откочевал не по своей воле в Заполярье Володя по студенческому прозвищу Князь.

Встретились они через десять лет с давним другом Михаилом, который заслужил у сокурсников уважительное прозвище Маэстро. Пришли в бар «Осень», отыскивали свободный столик, взяли красного вина и бутерброды. Выпили, подняв тост «С возвращением!»

Володя заговорил, волнуясь:

– Понимаешь, я много лет рвался в наш город. Мне так хотелось почувствовать, сохранилась ли та атмосфера, в которой прожил пять лет. Брожу по улицам, стою возле университета, возле общежития и не пойму – она ушла или мне это только кажется?

Маэстро отвечал, отзываясь на его открытость:

– Мне тоже кажется, что ушла. Мы ведь сами её создавали. Город делали мы, как я когда-то черкнул в тетради.

– Ну так и ладно, – сказал Володя. – Но поначалу годы в Заполярье мне помогала коротать вера в то, что «где-то есть город, тихий как сон». Помнишь такую песенку?

– Ещё бы! Я даже помню, Князь, как мы с тобой сидели у Крамера, выпивали, что-то слушали. И как-то в пику оголтелому западопоклоннику я сказал: «А вот и у нас появляются красивые мелодии». И напел как сумел: «В медленной речке вода как стекло». А Крамер засмеялся, сменил катушку на своей «Комете», чуть прокрутил, и пошла эта вещица по-английски. Два брата, забыл по именам. Я, помню, смутился, но не отступил. «Послушайте, – говорю, – какие там хорошие стихи и как классно поет наша Эдита Пьеха». На том и поладили.

– Там, в нашей воинской части, собралось процентов семьдесят таких, как я – из Москвы, Ленинграда, Тбилиси. Нас скрепляло это недавнее студенче-

ство. И я верил, что он где-то сохранился, этот дух, что он есть, а если не так, то грустно. Или смешно?

– Нет, не смешно, – уверенно говорил Маэстро. – Мы будем хранить его. Мы же никуда не делись – ты, я, Крамер. Пусть Крамер далеко на юге России, пусть ты укрепился на своем Севере. Будем жить в новых обстоятельствах, сохраняя старое неразменное.

– Не так пафосно, старик, – сказал Князь, и они снова выпили.

– Как ты там, чем занимаешься? – спросил Маэстро.

– Я, друг мой, там влюбился в девушку, дочь нашего майора. Когда вышел мой срок, снял погоны и определился в ту школу, где она работала. Теперь я ее по службе обошел, я директор этой школы. А она родила мне девчонок-двойняшек. Вот так как-то. А ты? Моя тетка сразу на тебя вывела, читает твои описки.

– Ну да, обжился в газете. Поначалу рутинка угнетала, потом научился ее не замечать. Зато столько людей интересных повстречал. Живу за городом, в родительском доме жены. Сын подрастает, дошкольник еще. Тесновато, зато простор во дворе, воздух сосновый. Автобус, правда, иногда подводит.

– Купи машину, – посоветовал Князь.

– Спасибо, так и сделаю, – засмеялся Маэстро.

На свободные места рядом с ними попросились пожилой военный со спутницей, симпатичной молодой дамой.

– Да, – вдруг заговорил седой сосед, укрепляя в мундштуке сигарету, – вот я лётчик, штурман, в звании капитана. Как бы вы на это посмотрели, когда я молодой, только что окончивший лётную школу – разбился? Разбился! Я иду по аэродрому с палкой, вижу, как взлетают машины, а я знаю, что никогда, никогда...

– Валера, перестань, – говорила ему спутница, и, обращаясь к друзьям, виновато: – Ну вот опять, как выпьет, так и пойдёт. Он ведь не старый совсем, мой Валера. Ему тридцать шесть, он седой, потому таким пожилым кажется.

– Замолчи, Вера, когда я говорю! – взорвался капитан и посмотрел на сокурсников долгим испытующим взглядом. – Я теперь математик чистой воды и могу всерьёз задуматься, что такое ноль, зачем он. Умные французы этого как-то не угадали.

Друзья молчали и тянули своё красное.

– Пойдём к дочери, – сказала Вера.

Он замотал головой, потом закурил.

– Возьмём ещё сто, Валера, – сказала Вера.

Она высыпала в ладонь Маэстро мелочи серебром, и он принёс водки.

– Вот вы тут говорите о своём, о сокровенном, – резко заговорил Валера. – Не место это, не место!

Володя и Михаил молчали. Они допивали своё вино.

– Сразу после того, как позвоночник мой раскололся, меня поставили дис-

петчером. Вот я смотрю, как поднимается самолёт. Я нажимаю кнопку, я записываю номер, а он отрывается от земли... У вас, конечно, спичек нет?

Он пошёл спросить спички. Вера сказала:

– У него шрамы, большие, страшные.

Он вернулся, выпил рюмку, курил, прошлое не отпускало.

– Пойдём, Валера, нас дочка ждёт.

И пояснила новым знакомым:

– Дочке уже пятнадцать. Такая красивая и такая капризная.

Капитан как будто разглядел в Князе недавнего военного, протянул ему пять рублей:

– Возьми водки.

Барменша за стойкой мягко, но отрицательно покачала головой.

– Ему хватит, – сказала она почти ласково. – Я их знаю, они тут бывают. Это его норма.

Князь вернул капитану пятёрку. Они уходили. Вера пожала друзьям руки, капитан тоже пожал и неторопливо взял под козырёк.

– Ну вот видишь, какие тут дела, – сказал Маэстро Князю. – А уж мы-то как-нибудь сохранимся, не пропадем.

ПУФИК

2020

Михаил Васильевич тихо сходил под горку жизни. Да, некоторая усталость была – и физическая, и моральная. Но голова соображала, руки вполне держали лопату и топор. Несколько лет назад проводили его с почётом на пенсию из городской газеты. Стала прямо-таки родной за четверть века. Правда, товарищи-газетчики не заходили. Поздравляли по телефону, дежурно интересовались здоровьем. И он тем же отвечал.

Нынешний телефон у Михаила Васильевича был, как говорили в его запредельные годы, знатный. Сын Сергей подарил на семидесятилетие. По нему можно было не только говорить, можно было получать и смотреть фотографии, в которых отражалась жизнь Сергея: праздники в его доме, виды городов, где он бывал в командировках. Часть лета (и немалую) семья сына проводила здесь, в деревенском доме, где Сергей вырос, откуда наладился в город, в институт и дальше – в самостоятельную жизнь.

Здесь же выросла и дочь, младшая сестра Сергея. Но с дочерью у Михаила Васильевича понимания не было, и с женой на старости лет ссориться стал не на шутку: то молчанием ее на сутки наказывал, то наоборот, кричал. И дочь увезла ее к себе, далеко – в Россию, в город у реки Волги. И непонятно, как надолго.

Соседке, с которой граничили огородом, Михаил Васильевич сказал, понятно, что жена уехала в гости. Соседка эта, Татьяна, была на два года старше

его сына. Она уже похоронила отца и мать, жила в родительском доме. Муж ее оказался деятельным и рукастым: срубил новую баню, соорудил большую теплицу. А к дому пристроил веранду, причем, вознес застекленную часть высоко, это был чуть ли не второй этаж. Завидовать такой красоте Михаилу Васильевичу было поздно, но смотрел он на это сооружение вполне уважительно.

Муж Татьяны был квалифицированным сантехником, и эта профессия оказалась очень востребованной. И в городе, где новороссы перепланировали старые квартиры и в поселке, где они отстраивали особняки, обнося их высокими кирпичными заборами. И однажды при встрече с Татьяной Михаил Васильевич сказал:

– Так вы, Таня, можете и за границу прокатиться, в Европу, куда-нибудь во Францию, Италию...

Это была его давняя мечта, к сегодняшнему дню перегоревшая. Некоторые его ровесники в былые годы съездили в одну из стран народной демократии, но и на такую поездку у него не хватало денег. Ровесники просто лучше устроились. Но вот как-то получил он премию за лучший очерк, и как раз формировалась из газетчиков группа в Венгрию. Льготные путевки. Сообщил жене, и она вдруг благословила: «Поезжай». А вскоре позвал редактор в свой кабинет и, виновато покачивая головой, сказал:

– Слушай, тебе отказано. Я полагаю, это та история с тамиздатом. Помнишь?

Еще бы не помнить. От профессионального калымщика Стаса Миша получал на прочтение фотоконии книг, изданных за рубежом. Политики там не было. Были романы Владимира Набокова, «Собачье сердце» Михаила Булгакова, «Чевенгур» и «Котлован» Андрея Платонова. Ясно, что Миша был из самых эпизодических читателей. Но, видимо, отследили весь круг. И вызванный в кабинет КГБ Михаил написал свою объяснительную, где не признал в прочитанной литературе никакой антисоветчины и объяснял, что он, филолог, имеет право читать книги классиков двадцатого века. История эта не имела серьезной огласки. Но калымщик Стас после этого свалил из города. Редактору было предложено провести с Мишей воспитательную беседу, что он и проделал. Жизнь без последствий пошла дальше. Но вот случились-таки отсроченные последствия...

Вскоре пришли другие времена. Но теперь – в пору свободных границ – у Михаила были серьезные семейные заботы. Да с возрастом остыли и мечты о неведомых землях. Однако люди ездили, рассказывали. И вот он Татьяне и посоветовал прокатиться.

Она посмотрела на него удивленно и пояснила:

– А что я там не видела? Раньше можно было что-то привезти. Теперь и у нас это всё есть.

Он кивнул, соглашаясь. Что ж, явно не по адресу обратился. Даже неловко.

Весной впервые за столько лет соседства произошла ссора. Да какая неприятная.

Растаял снег. Михаил Васильевич сгрёб высохшую ботву и траву, сложил в старую продырявленную железную бочку и запалил. Пламя взвыгло резво, из бочки вырвался высокий столб белого дыма. Почти восторг пережил старый огнепоклонник. Но как чертик откуда-то вылетела Татьяна: глаза вразбег и горят безумным огнем. Руками потрясает:

– Ты что, охренел?!!

И, сбавляя пыл:

– ... дядя Миша?

Повернулась и быстро-быстро скрылась за глухой дверью в железном заборе. Михаила Васильевича как будто чем-то по затылку шмякнули. Голова загудела. Старый-то старый, а не нарастил толстой защитной шкуры. Грубый наскок, конечно, ошарашил, но больше, как ни забавно, это обращение на «ты», чего сроду не бывало. Еще школьницей заходила с просьбой что-то объяснить, задачу решить. Никогда не замечал он с ее стороны интереса к стоящим на полках книгам, никогда она не спросила, что за музыка играла, когда он с ее приходом выключал проигрыватель. Но с той давней поры нормальная деревенская вежливость сохранялась.

Через какие-то минуты он понял, что же произошло. Сарай скрывал от нее бочку, куда был безопасно упрятан огонь, а у соседей – он знал – было дело: какой-то рьяный гость так раскалил баню, что железная труба зажгла крышу, правда, всё обошлось. Но страх огня остался, а, может, был с детства – у всякого свои фобии. Инцидент исчерпан. Она вечерком, приложив руку к сердцу, извинилась, говорила вежливо. Он махнул рукой: не стоит внимания, забудем.

Сына, когда тот приехал, в это дело не посвятил.

Зато у Сергея была небольшая просьба. Его лучший друг сильно разбил машину, как они называли, в хлам. Предполагалось, что распродаст уцелевшие части. Пока надо было где-то пристроить изуродованный автомобиль. Михаил Васильевич показал: ну вот тут и приткните, в проулке, дрова только зимой привезут. Эвакуатор доставил разбитую машину, она и вправду впечатляла: вся морда всмятку, одна передняя дверца как будто изжевана великаном-злодеем. Друг сына обещал, что это совсем ненадолго.

Дня через два идущего из магазина Михаила Васильевича встретила Татьяна, расспросила о происхождении развалины, сочувствовала. Через пару недель и вправду приехали ребята, отвинтили две задние дверцы. Потом дело приостановилось. Ну да бог с ним: никому эта калека не мешает, от соседских ворот далеко.

Но это Михаилу Васильевичу так казалось. Вновь соседка его подкараулила на пути из хлебного киоска. Говорила мягко о том, о сём, справилась о здоровье, так же между делом и о том, как скоро уйдет с зеленого пригорка страшная железная конструкция.

– Тут такая петрушка, дядя Миша, – продолжила она. – Я там на веранде пуфик поставила, чтобы отдыхать. И вид с него как раз на вашу страшную штуковину. Сами понимаете, не очень способствует. Нет, я всё понимаю. Но

нельзя ли их как-то поторопить, а то они расслабились, видно. Сами знаете, не на глазах, так быстро и не волнует.

Вон как, оказывается. Коробит ее эстетическое чувство. Михаил Васильевич просил потерпеть, обещал содействие. Разошлись по домам. И поднимаясь на свое крыльцо, вспоминая разговор, он замотал головой, заулыбался. «Пуфик! То-то и оно, что пуфик. Боже ж ты мой, именно пуфик!».

И вся эта новая жизнь как-то проявилась в его голове.

ЭПИЛОГ

Тогда, после гибели Анны, Миша думал, что не переживет этого, не знал, как будет жить без нее. Но всё образовалось как-то само собою. И жизнь ему предстояла длинная. Но она была как бы послесловием и, может быть, даже необязательным, к тому главному событию. Он сохранил письмо ее сестры. Сестра знала про Мишу, посылала слова утешения. Она написала, что до Свердловска Аню взялся подкинуть сосед по лестничной площадке на своем мотоцикле, водитель опытный. Ему как раз надо было в город. Никто не может понять, как они не разминулись с лесовозом...

И вот уже близится к финалу то, что казалось ему неким послесловием, а затянулось так надолго.

Михаил Васильевич всегда любил читать. А теперь и это занятие его перестало увлекать и радовать открытием новых имен. Он перечитывал всего несколько книг, и кто бы раньше сказал, что одной из них станет Библия. А вот пожалуйста. Иногда он останавливался, откладывал книгу и повторял про себя только что прочитанное: «И обратился я, чтобы внушить сердцу моему отречься от всего труда, которым я трудился под солнцем...»

И подумалось ему, что многие прочитанные книги почти никак не стодились ему в жизни. А вот этот Экклезиаст, говорящий о бессмыслице всего сущего, как-то примиряет его с тем, что его не будет, а мир и другие люди продолжатся без него.

Что он оставит после себя? Дети – это само собой. Какие-то свои истории, записанные на бумагу. Ему хотелось вспоминать, ему казалось, что каждое свидетельство пригодится, из их множества сложится картина времени.

Что-то он откладывал на старость: якобы потом отступит суетность, мысль просветлеет, вспомнится что-то важное. И вот уже ничего не отложить на потом. Теперь нужно жить (или доживать) так, как будто ты все-таки в ладах с тем, к чему пришел. В молодости мысли о смерти, о краткосрочности нашего пребывания на земле как будто помогают определить цель и успеть ее достигнуть. Сегодня уже стоит сказать в утешение себе: никакая цель не дороже самой жизни.

Нет, Михаил Васильевич не дал угнездиться в душе ощущению бессмыслицы. Слава богу, жизнь вокруг радует самыми привычными проявлениями: птичьим посвистом, дождем, солнцем, ветром, мягким пушистым снегом и даже злой метелью, Моцартом и Шубертом со старых виниловых пластинок.

Ведь правда же: столько еще в окружающем мире достойного любви, сопереживания, даже – в меру сил – восторга.